

Овсянка, сэр!

Вег. Москва. - 2000. - Март. - с. 6.

Александр Адабашьян

в условиях третьей мировой войны

Творческая жизнь Александра Адабашьяна похожа на комиксы: сегодня он снимается в «Собаке Баскервилей», а завтра ставит оперу в Мариинском театре. Попутно может написать пяток сценариев и оформить пару-тройку московских ресторанов.

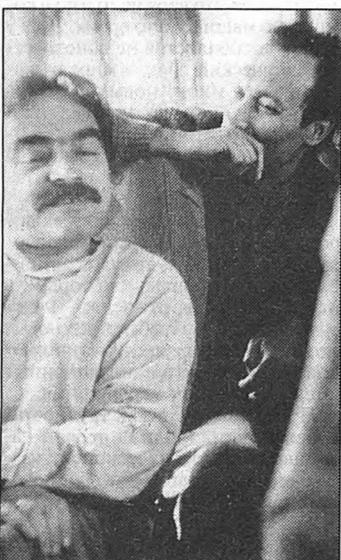
Лада ЕРМОЛИНСКАЯ

— Александр Артемович, зачем вам так расплываться? Куда удобнее заниматься чем-то одним — и для карьеры, и для душевного спокойствия.

— Я люблю заниматься разными делами, это позволяет обходиться без планового отдыха. Два года назад я даже поставил в Мариинском театре оперу «Борис Годунов». Ужасно интересно! Хорошо, что мне постоянно предлагают разное. Если бы я писал, например, детективы (какую-нибудь «Каменскую») — я бы с ума сошел от скуки.

— У вас дом настоящего творческого человека — книги, картины... Создается впечатление, что вы творите чуть ли не при свечах!

— Это потому, что я сейчас один. А когда все набиваются (жена, две дочки, молодой человек одной из дочек, кот...), у меня тут остается один маленький уголок. На дачу тоже не могу уехать, потому что надо работать.

Полеты во сне и наяву. С Олегом Янковским

— Но ведь можно работать и на даче, разве нет?

— На даче не получается, потому что моя жена — любительница газонокосения, строительства и посадки цветов. Она постоянно говорит: «Ты приезжай, будешь работать, никто не будет тебя отвлекать». Я приезжаю, залезаю на второй этаж, начинаю работать. Смотрю, а она яму роет, потом бревно тащит, бегаёт с этой своей косилкой... Чувствую себя негодяем, слезаю и говорю: «Тебе помочь?» — «Ну, если у тебя перерыв, то... здесь надо отпилить, здесь приколотить, а здесь вкопать!» Так что, пока она на даче, у меня короткий период холостяцкого благоденствия.

— А как вы проводите свободное время, когда оно появляется?

— Читаю. Правда, я уже в том возрасте, когда хочется перечитывать. Поэтому сейчас в 26-й раз наслаждаюсь «Войной и миром». У меня каждые два года обостряется своеобразный недуг: я испытываю физическую потребность снова прочесть эту книгу от начала до конца. Там есть ответы на все нынешние вопросы. Собственно, отсюда я и вывел свою доморощенную теорию по поводу того, что происходит в мире.

— А что происходит?

— Происходит третья мировая война. Пирогов в свое время называл войну «эпидемией травматизма» (замечательное определение медика!), а я считаю, что это эпидемия насилия. Она возникает как чума и холера, и бороться с ней можно только одним способом — личной гигиеной. Не надо есть с тарелок и пить из рюмок бактерийносителей, не стоит пожимать им руки, а уж тем более целоваться с ними. Болезнь передается воздушно-капельным путем, поэтому надо меньше бывать в местах большого собрания, не участво-

вать в тусовках, митингах, демонстрациях...

— И как же в таком случае вы собираетесь справлять день рождения — наденете марлевую повязку?

— Я вообще не люблю свой день рождения. Так исторически сложилось, что он у меня в августе, а это время, когда никого нет в Москве. Мне с самого детства не с кем было праздновать: школьные друзья уезжали на каникулы, а сам я сидел на даче — дворовых приятелей поэтому тоже не видел. Так что на день рождения у меня всегда собирались только близкие родственники.

— Вы умеете приманивать музу?

— Какая там муза! Как говорил Окуджав: «Творчество — это у Алены Апиной, а у меня — работа». Надо заставить себя сесть за стол, начать... потом выезжаешь. Вот и весь секрет. Тем не менее процесс гораздо приятнее, чем результат. Не могу сказать, чтобы я был на сто процентов доволен результатом хотя бы одной своей работы.

— Когда лучше пишется — днем или ночью?

— Вечером, когда все расплзаются по своим вольерам, как-то спокойнее. Я вообще-то сова, и мне очень трудно вставать утром. Встаю, когда у большинства уже вовсю кипит день, но и ложусь при этом под утро. Летом еще ничего, а зимой тоскливо.

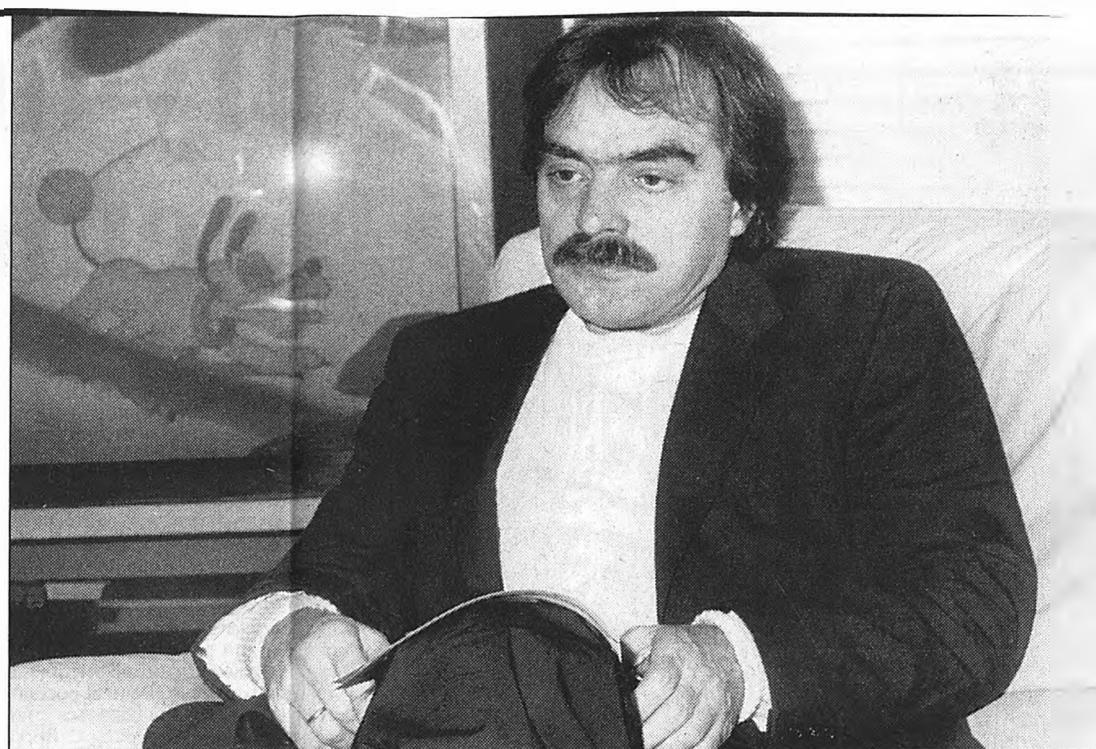
— А телевизор вы любите смотреть?

— Я смотрю новости и спорт. Как говорил Эйзенштейн, лучшая драматургия — это футбольный матч.

— За кого болеете?

— Когда наши встречаются с не нашими, тогда, естественно, за наших. А если какие-то иноземцы играют между собой, намечаю себе команду, которая симпатичнее. Я смотрел чемпионат Европы, практически все матчи. Болел за голландцев, испанцев и португальцев, вылетавших, а в финале — за Италию, которая тоже проиграла.

— Любите рассматривать людей на улицах?

— Это часть профессии — наблюдать и прикидывать, чем человек может заниматься, что он из себя представляет. Когда я был студентом и ездил в метро, это вообще было любимейшим занятием — смотреть и сочинять что-то о человеке, который сидит напротив.

— Попадаете?

— Попадаю изумительно. Я помню, как в Грозном на турба-

тина, а швейное дело. На современной куда интересней, потому что костюмы героев очень индивидуальны. Вот попробуй сделать так, чтобы Мария Стюарт одевалась в дурном вкусе, или так, чтобы король Лир носил немодные обноски! Не получится. А в современном фильме на одном костюме сыграть можно.

— А сами вы умеете носить костюм?

— В костюме я другому себя чувствую, даже походка меняется. Но обычно недолго выдерживаю — к концу вечера обязательно снимаю или опускаю галстук, расстегиваю пуговицу рубашки. Не моя это одежда! Я люблю свободные вещи — майки, куртки, мягкие пиджаки... Помнится, когда я приехал в Мариинский театр, моя ассистентка сказала своему мужу (она потом сама об этом рассказывала): «Третий день наблюдаю за режиссером и не могу понять, что случилось. Может его, бедного, в поезде обокрали? На какой помойке он нашел эти вещи?» А я тогда как раз приехал из Рима, где наку-

пил очень удобных с моей точки зрения льняных тряпок.

— У вас есть любимые вещи?

— Ничего такого, чтобы я схватил и стал выносить при пожаре, нет.

— А что вы будете выносить при пожаре, кроме жены и дочек?

— Наверное, кота, документы, компьютер, в котором все мои наработки... Прецедент уже был — у нас во дворе горел деревянный дом, который некогда по легенде принадлежал композитору Алябьеву. Кстати, Алябьев помимо всего прочего был карточным шулером.

— А вы играете в карты?

— У меня папа хорошо играл в преферанс. Его близким другом с юности был гротескмейстер Бондаревский, и у нас дома постоянно толклись Спасский, Толуш, Смыслов... И папа, который шахматистом был, мягко говоря, средненьким, в преферанс с ними играл на равных. А я сидел и смотрел. Так что я в курсе того, как это делается. Но до их высот мне не добраться никогда! Я вообще не азартный. В казино играл, но меня это не заводило. Гораздо интереснее смотреть на тех граждан, которые вокруг толкаются.

— Какая там муза!
Как говорил Окуджав:
«Творчество —
это у Алены Апиной,
у меня — работа»

зе, где мы снимали «Свой среди чужих», удивлялись туристы. Там без конца завязывались двухдневные приключения — одни группы приезжали, другие уезжали, а мы все сидели на месте. Я мог поговорить с человеком час, после чего начинал описывать его дом, комнату, в которой он живет, письменный стол, за которым он работает...

Иногда интересно по лицу человека представить себе его фигуру. Можно сказать, как примерно он одет. В деталях могут быть неточности, но по стилю все равно попадаю. У меня даже был тест для художников по костюму. Я спрашивал: «Вам на какой картине интереснее работать — на исторической или на современной?» Десять процентов отвечают, что на исторической. Для меня это прискорбный знак. Это значит, что данного художника интересует не конкретная кар-

Досье «ВМ»

Александр Адабашьян родился 10 августа 1945 года. Закончил московское Высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское). Как художник-постановщик работал на фильмах: «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Раба любви», «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Сибиряда», «Пять вечеров», «Несколько дней из жизни Обломова» и др. Как актер: «Пять вечеров», «Собака Баскервилей», «Полеты во сне и наяву» и др. Как сценарист: «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Пять вечеров», «Несколько дней из жизни Обломова» и др. Как режиссер: «Мадо, до востребования».